

Н. В. Пивоварова

КОЛЛЕКЦИЯ РЕЗНОГО ДЕРЕВА РУССКОГО МУЗЕЯ ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ*

Произведения резьбы по дереву, в количественном отношении составлявшие самую значительную часть среди произведений русских средневековых мастеров, дошли до нашего времени в сравнительно небольшом числе. Это было связано и с недолговечностью материала, его подверженностью рассыханию и гниению, уязвимостью перед огненной стихией, и с преследованиями, которые порой обрушивались на изделия резчиков. Немало деревянных резных произведений «по ветхости и излишеству» было уничтожено и распродано из монастырей¹, свалено в чуланы и подцерковья. В XVIII — первой половине XIX в. обветшавшие деревянные скульптуры и рельефы, некогда составлявшие принадлежность новгородского храма св. Софии, новгородских и окрестных сельских церквей, хранились в кладовой на софийских хорах. О том, в каком небрежении зачастую находились изделия древних резчиков, свидетельствуют описания путешественников и любителей старины. Так, оказавшийся в Новгороде в 1833 г. художник-археолог Ф. Г. Солнцев нашел среди хлама в сарае фрагменты резных, так называемых «Золотых» софийских врат XVI в., а В. В. Сулов, путешествуя в конце XIX в. по Архангельской и Вологодской губерниям, обнаружил в кладовых и подцерковьях ветхие Царские врата, венцы, церковные фонари и т. д. «Из всего виденного мною, в отношении памятников древнерусского искусства, — сообщал он, — к сожалению, нужно сказать, что печальная пора полного и бесследного уничтожения дорогих для науки остатков народного творчества настала с полным размахом по всему Северу. Прекрасные вещи, отысканные мною на чердаках, в кладовых и под церквями доживают свой исторический век» [3, л. 104 об.]. В 1851 г., составляя «Записку для обозрения русских древностей», И. П. Сахаров называл среди интересных образцов древнего художества деревянные подсвечники, находившиеся в подвале под церковью: «В селе Городенском Коломенского уезда, в Воскресенской церкви еще в 1843 году находились в подвале под церковью древние подсвечники, имеющие вид толстых свечей, покрытые белую краскою с пурпуровыми разводами» [4, с. 49, примеч. 87]. Если бы не старания любителей древности и старообрядцев, приложивших немалые усилия для спасения памятников старины, многие из них давно бы бесследно исчезли. Уже в конце XVIII — первой половине XIX в. предметы старины собирают московские коллекционеры П. Ф. Коробанов и М. П. Погодин, чьи музеи, наряду с прочим, включают отделы деревянных икон, скульптуры, крестов. Впоследствии, в середине XIX — начале XX в., произведения резьбы по дереву появляются в частных коллекциях петербургских и московских собирателей — В. А. Прохорова, А. С. Уварова, П. И. Щукина

Пивоварова Надежда Валерьевна — канд. искусствоведения, вед. науч. сотрудник, Государственный Русский музей; преподаватель, Санкт-Петербургская Православная духовная академия; e-mail: nad-pivovarova@yandex.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-04-00278а «Древнерусское резное дерево в собрании Русского музея — предметы, центры, мастера».

¹ Одним из примеров может служить Кирилло-Белозерский монастырь, откуда в начале XIX в. были распроданы многие сотни древних памятников, в том числе резных по дереву и кости [1–2].

© Н. В. Пивоварова, 2013

и др. Богатейшая коллекция древнерусского резного дерева сложилась и в Русском музее императора Александра III, куда в 1897 г. были переданы экспонаты из музея Императорской Академии художеств. На экспозиции или в фондах академического музея к этому времени находились новгородские софийские древности, части собраний П. Ф. Коробанова и М. П. Погодина, отдельные пожертвования, принесенные в дар благотворителями, или проданные музею предметы. Музей Академии художеств возник в 1856 г. при классе православного иконописания как подсобная структура, предназначенная для обучения иконописцев, однако уже в начальный период существования изменил свой статус, превратившись из музея учебных пособий в художественный музей. Этому в немалой степени способствовали первые поступления академического музея, в числе которых оказались памятники резьбы по дереву, в 1860 г. вывезенные из Новгорода А. М. Горностаевым. Именно Горностаев — первый хранитель музея Академии художеств — присмотрел на хорах храма св. Софии бесхозные резные скульптуры и рельефы, ветхий макарьевский амвон (или «Халдейскую пещь» — памятник совершавшегося в Новгороде пещного действия) и убедил академическое начальство добиваться разрешения на их передачу в Академию художеств [5, с. 464–466; 6, с. 42–48]. Переговоры увенчались успехом, и в Петербург были доставлены: скульптуры святых Георгия Победоносца, Николая Чудотворца, Параскевы Пятницы и Екатерины (рис. 1); ветхие резные Распятия; фигуры святых с крышек рак (рис. 2).

Рис. 1. Святая Екатерина. Конец XVII в. Новгород, ГРМ.

Рис. 2. Святой Евфимий Новгородский. Первая половина XVI в. Святой Иоанн Новгородский. 1559 г. Новгород. Фигуры с крышек рак, ГРМ.

Время устройства хранилища в своде лестничной башни на хорах храма св. Софии в точности не известно. Во всяком случае нет оснований считать, что все находившиеся здесь скульптуры оказались в Новгородском Архиерейском доме уже в 1722 г. вследствие синодального определения, запрещающего иметь в храмах резные изображения святых. Есть свидетельства об отправке резных скульптур из Синода в Новгородский Архиерейский дом в 1738² и даже в 1779 г.³ Так или иначе, но с 1860 г. в Музее Академии художеств хранились 42 резных произведения, связанные происхождением с новгородским Софийским собором [10, л. 42]. Впоследствии к ним добавились двое резных Царских врат, деревянный подсвечник из Новгорода, три лубяных брачных венца, деревянный резной Николай Чудотворец, часть резного на дереве иконостаса и доска с молитвой, вырезанной на дереве для типографского печатания. В каталоге, составленном в 1865 г., особо отмечались поступления от А. М. Горностаева, — двое царских дверей, рама и киот, «65 штук разных больших и малых крестов и образков» [10, л. 42, 43 об.]. А. М. Горностаев неоднократно совершал путешествия в Новгород, поэтому нельзя исключить новгородское происхождение и приобретенных от него древностей. При новом хранителе, а впоследствии заведующем музеем В. А. Прохорове поездки с целью собирания памятников старины для академического музея продолжились. Произведения резьбы по дереву были доставлены им из Старой Ладogi и Пскова. Таким образом, к середине 1860-х годов в комплектации отдела вещественных памятников академического музея наметился явный крен в сторону собирания древностей Северо-Западной Руси⁴. В коллекции резных Царских дверей оказалось несколько древнейших новгородских врат, в том числе происходившие непосредственно из Софийского собора (рис. 3) [12, с. 14, № 89; 13, с. 67; 14, с. 107–110;

Рис. 3. Царские врата. Из Новгородского Софийского собора. 1438 г., ГРМ.

² Речь идет о скульптуре преподобного Саввы Вишерского, которая с 1735 по 1738 г. находилась в Петербургской резиденции Новгородского архиепископа Феофана Прокоповича (1725–1736) на р. Карповке, но, так и не рассмотренная владыкой, была отправлена за его смертью обратно в Новгород [8, с. 274–277].

³ В 1779 г. в распоряжение Пресвященного Гавриила архиепископа Новгородского были отправлены из Синода две резные скульптуры святых — Параскевы Пятницы и Николы, хранившиеся в синодальном архиве (образы значились в описи архива под № 772 и 773). Владыка распорядился отослать их в новгородскую ризницу [9, л. 47–50, 79].

⁴ Среди произведений, связанных происхождением с другими художественными центрами, можно назвать, например, два деревянных брачных венца, доставленных из Костромы в 1862 г. архитектором А. Т. Жуковским [11, л. 32].

Рис. 4. Святой Никола Чудотворец. XVII в. Из собрания М. П. Погодина, ГРМ.

ты. В число произведений резьбы по дереву входили литургические сосуды (например, потир и тарель из Оружейной палаты; ныне ГРМ, инв. № ДРД-395, СМБ-196), кресты, образки, миниатюрные иконостасы, несколько скульптурных изображений (рис. 4). Новое значительное поступление потребовало составления инвентарной книги. В 1879 г. на основе ее записей был издан каталог музея [12]. К сожалению, ни происхождение, ни источники поступления экспонатов не нашли отражения в этом «каталоге».

Не попало на страницы каталога и наиболее ценное из числа поздних поступлений — собрание редкостей, привезенных в Академию художеств в 1880-е годы по инициативе академика архитектуры В. В. Сулова. В 1883 и 1886 гг. Сулов посетил Вологодскую и Архангельскую губернии, в 1884 г. — поволжский город Романов-Борисоглебск. В отчете перед Советом Академии о поездке 1883 г. он сообщал о представившейся ему возможности «собрать несколько разнородных предметов из русской древности» для пополнения христианского музея и предлагал свое посредничество в приобретении предметов старины и на будущее [3, л. 33 об.]. Предложение В. В. Сулова было принято, и уже в 1884 г. он привез в музей древности из Воскресенского собора г. Романова-Борисоглебска, в том числе резную часовню-киот (ныне ГРМ, инв. № ДРД-458) для скульптуры св. Николы Можайского (рис. 5)⁵, Царские врата и кар-

15, с. 119, примеч. 32 на с. 121; 16, с. 183–184]. Существенно свидетельство знатока новгородских древностей Г. Д. Филимонова, в 1866 г. в составе членов Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее совершившего поездку в Новгород. Он сообщал, что в часовне при церкви Николы Кочанова, куда были перенесены многие новгородские древности, он не обнаружил «царские двери, одни из древнейших в Новгороде, резные, золоченые, на подзоре, подложенные раскрашенной слюдой». Основываясь, вероятно, на расспросах, он пояснял: «Двери эти, кажется, взяты в византийский музей Академии художеств, следовательно, они сохранились» [12, с. 121].

В 1871 г. музей Академии художеств получил новое солидное приращение, на этот раз — из Москвы. В нем были представлены важнейшие разделы приобретенных в казну московских собраний древностей, некогда принадлежавших историку М. П. Погодину и премьер-майору П. Ф. Коробанову, и небольшая группа предметов из Оружейной пала-

⁵ Диковинный предмет не преминули отметить в прессе: «Любопытна целая деревянная часовня. Она с некоторыми другими редкими вещами передана г. Сулову причтом Воскресенского собора в гор. Романове-Борисоглебске, Ярославской губернии». Часовенка по плану прямоугольная, покрытая сплошь орнаментами, стояла когда-то в соборе с почитаемым образом св. Николая Чудотворца. Ея двустворчатая двери представляют собою сплошной ажурный орнамент, покрытый позолотой и серебром; углы обделаны в виде пилястр, во впадинках которых выточен орнамент. Особенно замечательна верхушка часовни, имеющая подобие шатра. Она двухъярусная. Каждый ярус имеет шесть столбиков с заставками, покрытыми золочеными орнаментами. Вся часовня увенчана тремя главками. Шейки главок обделаны так же, как и главы в церкви, т. е. с окнами и наличниками. Самыя главки по украшению и форме своей чрезвычайно сходны

низы, разделявшие иконостас в Воскресенском храме (ГРМ, инв. № ДРД-436 (?); ДРМ-3377, 3378, 3380)⁶. В 1886 г., совершая поездку в Швецию и Норвегию, В. В. Сулов завернул в Архангельскую губернию. Обследуя древние церкви села Заостровье, посадов Нёноксы и Уны, села Малошуйского и Успенский собор в Кеми, он обнаружил множество старинных вещей, хранившихся в небрежении в церковных кладовых. Озаботившись сохранением древностей, он возбудил ходатайство перед академическим начальством о передаче памятников в музей Академии художеств [3, л. 104 об.–105]. Обращение к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву возымело действие: 2 августа 1889 г. в Академию были доставлены: двое Царских врат (ГРМ, инв. №№ ДРД-437, ДРД-434 (?)), «две тумбы с живописными фресками, употребляемыми вместо подсвечника» — так называемые «тощие свечи»⁷, «два фонаря, из которых один весьма поломан», два берестяных венца, деревянный потир и две медные лампы [20, л. 10].

Наряду с монументальными сооружениями типа романовского киота-часовни, Царских врат и «тощих свечей» в академическом музее хранилось множество мелких резных предметов: икон, образков, складней⁸. В основной массе они происходили из собраний М. П. Погодина и П. Ф. Коробанова, но из архивных документов известны и другие источники поступления. Так, в 1864 г. у московского купца И. В. Стрелкова были куплены резные на дереве: два образа «Троицы», иконы «Премудрость создала себе храм...» (рис. 6) и четыре праздника: Рождество Христово, Преображение, Вознесение и Успение⁹; в 1869 г. — «складень греческой старинной резьбы» за 100 руб. [21, л. 14]. Резное на дереве изображение «Усекновение главы Иоанна Предтечи» греческой работы приобрели в 1868 г. у мещанки Ф. Е. Катковой (стоимость иконы определили в 33 руб.) [21, л. 1 б, 1 д]. В 1866 г. поступили

с главы церкви Василия Блаженного в Москве». В той же публикации особо отмечалось просвещенное внимание к церковным древностям ярославского архиепископа Иоанафана, «который во время периодических епархиальных обозрений между прочим обращает особенное внимание на предметы церковной археологии, зачастую сваленные с незапамятных времен в кладовые, часовни или просто на церковные чердаки». На торжественном годичном собрании 4 ноября 1884 г. Академия художеств удостоила преосвященного Иоанафана званием почетного члена Академии [18, с. 68–70].

⁶ См. о поездке в отчете В. В. Сулова в Совете Академии художеств 15 октября 1884 г.: [3, л. 46 об.–47].

⁷ Одна из «тощих свечей» (ГРМ, инв. № ДРД-440) происходила из Унского посада [19, с. 102, 106–107].

⁸ Так, в описной книге музея и в печатном каталоге 1879 г. под особыми номерами значатся: резное изображение Богоматери Смоленской и праздники, пояс с резным походным иконостасом, резное изображение Распятия, резные изображения разных святых с маленького походного иконостаса, резное изображение Распятия, образ Смоленской Божией Матери обронной (рельефной) работы.

⁹ Последние два памятника — ГРМ, инв. № ДРД-47, 60. За все заплачено 80 руб.

Рис. 5. Часовня-киот из Воскресенского собора г. Романова-Борисоглебска. XVII в., ГРМ.

Рис. 6. «Премудрость созда себе храм...». Резная икона. Начало XVI в., ГРМ.

две резные на дереве иконы и один деревянный крест, принадлежавшие «покойному Жилю» [22, л. 2–2 об.]; в 1870 г. — резной складень-иконостас, приобретенный за 10 руб. от А. Сираса [23, л. 33, 37, 57]. С 1877 г. постоянным поставщиком музея становится Т. В. Кибальчич, доставивший в Академию множество западно- и южно-русских, в первую очередь униатских древностей [24, л. 1 об.–2; 25, л. 5–5 об., 6–6 об.]. Наконец, в 1883 г. два резных на дереве образа — Троицы Ветхозаветной и поясного Николы Чудотворца передал в Академию президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович [26, л. 8]. Таким образом, к 1895 г., т. е. ко времени фактического прекращения существования христианского музея Академии художеств, собрание его древностей, в том числе произведений резного дерева, исчислялось несколькими сотнями памятников.

Параллельно с академическим музеем в Петербурге формировались и другие со-

брания церковных и бытовых древностей, впоследствии вошедшие в состав коллекций Русского музея. Среди них — музеи Императорского Общества поощрения художеств, Училища технического рисования барона А. Л. Штиглица, Общества любителей древней письменности, Санкт-Петербургской Духовной академии. В их фондах также оказались богатые собрания произведений резьбы по дереву. Начало формирования «русского отдела» музея ОПХ было связано с поездками по древнерусским городам «агента» по собиранию древностей Н. В. Кристлиба. Его письма, адресованные на имя директора музея Д. В. Григоровича, позволяют составить яркое представление о состоянии церковных древностей в России в конце 1860 — начале 1870-х годов. Отдельные памятники, в том числе резные Царские врата, Кристлибу удалось вывезти из псковских церквей¹⁰. Пометки об их псковском происхождении содержатся в печатном каталоге Музея ОПХ [27]. Музей обладал богатым собранием резных Царских врат (часть из них относилась уже к XVIII в.), резной расписной утвари, церковных слюдяных фонарей¹¹. Поставщиками музея наряду с Н. В. Кристлибом были В. В. Сулов, гр. Ю. И. Стенбок, В. М. Жемчужников, гр. С. Г. Строганов и др., чьи имена упомянуты на страницах каталога музея. Так, В. В. Суловым в ОПХ был доставлен точеный деревянный потир северного происхождения (ГРМ, инв. № ДРД-391, рис. 7)¹². Другой де-

¹⁰ Несмотря на достигнутые предварительные договоренности, большая часть древностей, отобранных в монастырях Пскова, Кристлибу выдана не была.

¹¹ «20–21–22 Фонари для церковных торжественных шествий, из слюды, украшенные полосками и вставками из олова обронной работы; на верхней части фонарей пять церковных глав. Работа XVII в.» [27, с. 9].

¹² Памятник идентифицирован нами по каталогу музея [27, с. 14, кат. 18]. В каталоге реставрационных работ Русского музея сведения о происхождении неверные [28, с. 154, ил. на с. 214].

ревянный потир из Нижегородской губернии (ГРМ, инв. № ДРД-392) продал музею гр. Стенбок¹³. В. В. Суслов снабжал древностями и Художественно-промышленный музей, организованный с учебными целями при Училище технического рисования барона А. Л. Штигица. Сохранилась подробная опись памятников, в первую очередь изделий народных мастеров, переданных музею В. В. Сусловым в 1918 г. Совсем иные цели преследовали учредители музея Общества любителей древней письменности — самого элитарного общества из всех существовавших в Петербурге. В нем преимущественно собирались рукописи и печатные книги, а также предметы древности, имеющие некоторое отношение к древней письменности. Среди поставщиков музея наряду с его учредителями — кн. П. П. Вяземским и гр. С. Д. Шереметевым были Н. В. Султанов, Ф. А. Каликин, Н. С. Рачейсков и др. Так, от архитектора Н. В. Султанова в музей ОЛДП поступили 5 Царских врат¹⁴. Оставшиеся после смерти мужа древности принесла в Общество его вдова Е. П. Султанова (в девичестве Леткова). Однако самым образцовым и систематически организованным петербургским музеем, обладавшим богатой коллекцией резного дерева, был Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной академии [29]. Это богатство в значительной степени определялось происхождением памятников, заложивших основу его фондам. В 1879 г. приват-доцент Академии Н. В. Покровский — инициатор создания церковно-археологической коллекции — привез в Петербург из Новгорода экспонаты упраздненного Музея Новгородского земства, собранные в церквях и монастырях Новгородской епархии Н. Г. Богословским [30, с. 14–17]. Целенаправленно составлявшаяся коллекция, связанная единством происхождения памятников, открывала широкие возможности для научных изысканий и обобщений. Не случайно одной из первых тем, разработанных Н. В. Покровским на основе академического собрания, стала тема о брачных венцах, преимущественно новгородского происхождения (рис. 8) [31]. Впоследствии к новгородской основе¹⁵ добавились венцы

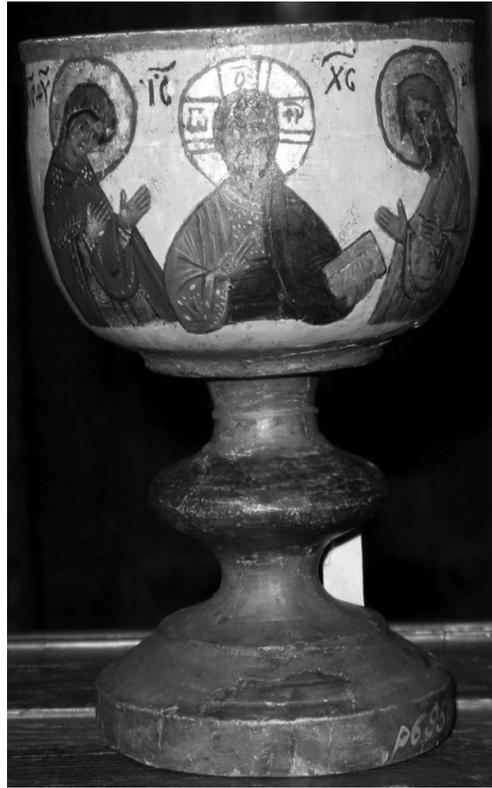

Рис. 7. Потир. XVII в. Русский Север, ГРМ.

¹³ Памятник идентифицирован нами по каталогу музея [27, с. 14, кат. 19].

¹⁴ Одни из них — ГРМ, инв. № ДРД-435 (?).

¹⁵ Еще одна пара деревянных брачных венцов новгородского происхождения поступила в музей СПбДА в 1882 г. от священника с. Кемец Валдайского уезда Новгородской губернии о. Петра Пятницкого [32, с. 158].

Рис. 8. Брачный венец. Конец XVII в. Новгород, ГРМ.

памятники перевозились без описей, что неминуемо привело к некоторым потерям, а впоследствии сыграло печальную роль при инвентаризации академических коллекций. Сразу после перевозки произведения были включены в музейную экспозицию, фотографии которой 1898 и последующих годов позволяют определить место резных произведений в залах. Среди них — новгородский софийский амвон 1533 г. в центре XVIII зала (отдельный снимок); трое Царских врат и две скульптуры «новгородских старцев» — преподобных Антония Римлянина и Саввы Вишерского, резная сень из Романова-Борисоглебска со скульптурой святителя Николая, настенный киот для трех икон, два напольных светильника и фрагмент выносного фонаря (снимок 2 — восточная стена XVIII зала) (рис. 9). Вид того же зала с северной стеной (снимок 3) позволяет увидеть (в дополнение к предыдущему) резную фигуру святителя Иоанна Новгородского, резное Распятие, одну створку Царских врат, маленькую резную фигуру святого Николая с распростертыми руками, тощую свечу (?)¹⁸. В обозрении вещественных памятников Русского музея, составленном М. П. Боткиным, о последнем экспонате сказано: «В церквах бывали росписные свечи, стоящие у царских врат; при входе есть копия с восковой свечи, находящейся в церкви села Кондратова, Весьегонского уезда, Тверской губернии [34, с.76–77]¹⁹, другие два деревянных подсвечника росписные, XVII века, из церквей Ярославской губ.»²⁰ На полках на западной стене

¹⁶ В 1880 г. от П. И. Кроткова из с. Шохны Нерехотского уезда Нижегородской губернии поступили деревянные брачные венцы, сделанные на токарном станке, с поврежденной живописью, а от о. Петропавловского из г. Плес Костромской губ. долбленные деревянные брачные венцы с хорошо сохранившимися живописными изображениями.

¹⁷ «Два лубочных венца» были доставлены в 1885 г. от благочинного Виницкого погоста Лодейнопольского уезда, священника Иоанна Александровича Рябинина [33, с. 43–44].

¹⁸ Эта расстановка предметов зафиксирована и в описаниях экспозиции [34, с. 75–85; 35, с. 85–89, 147].

¹⁹ «Имитацию свечи» с датой «1651 г.», выставленную на экспозиции Русского музея, называет в своем альбоме 1909 г. Н. В. Покровский [29, с. 34], что позволяет отождествить ее с экспонатом ГРМ (инв. № ДРД-439). Копия «свечи» поступила в Русский музей в составе экспонатов музея Академии художеств, куда, в свою очередь, была пожертвована почетным вольным общником Академии, заведующим Тверским музеем А. К. Жизневским [36, л. 24–24 об.]. Оригинал свечи хранился в Тверском музее [37, с. 129, №. 581].

²⁰ В описании М. П. Боткина закралась ошибка. В действительности два деревянных росписных подсвечника происходили не из Ярославской губернии, а были привезены в Академию художеств из Архангельской губернии по инициативе В. В. Сулова — одна из них (ДРД-440) — происходила из Унского посада. Об этих же «свечах» упоминает и Н. В. Покровский при описании «тощих свечей» собрания Музея С.-Пе-

Рис. 9. Экспозиция Отделения христианских древностей Русского музея императора Александра III, 1898 г.

зала XVIII (фото отсутствует), согласно описанию экспозиции, помещались брачные венцы и потиры, датированные Боткиным XVI–XVII вв. и отнесенные к Вологодской губернии: «на одном венце изображение Деисуса, на большей же части изображение Богоматери и святых в кругах для женского венца, и Спасителя и святых в кругах для мужского венца» [34, с. 78–79]. «В трех витринах на западной стороне помещается резьба из дерева, шитые образа, доски для печатания образов» [34, с. 84]. Уже в 1899 г. (?) экспозицию дополняют памятниками из собрания В. А. Прохорова, принятого в музей в конце 1898 г., причем в новый обзор экспозиции Отделения христианских древностей [35] включают полностью и опись этого собрания [38]. В Русский музей прохоровские древности были приняты от его сына А. В. Прохорова 10 декабря 1898 г. Предварительно Н. В. Покровским — к тому времени уже профессором С.-Петербургской Духовной академии, директором Археологического института и экспертом Русского музея — была произведена оценка собрания [39, л. 14–15 об.]. В составе коллекции в музей поступил 771 предмет, в том числе памятники древнерусской резьбы по дереву (рис. 10). В описи 1896 г. эти произведения были включены в отдельный раздел «Резьба» [38, с. 28–30, № 639–664]. Небольшой размер предметов, составлявших собрание В. А. Прохорова, объясняется характером его музея, являвшегося домашним хранилищем древностей. Он помещался на Васильевском острове в доме портного Круца близ церкви святого Андрея Первозванного и был предназначен для немногих. В воспоминаниях современников Прохорова сведения о его музее не встречаются. Лишь М. П. Погодин, однажды посетивший музей, делился своими впечатлениями с читателями «Московских ведомостей»: «Я отправился тотчас отыскивать издателя²¹ и нашел его на чердаке

тербургской Духовной академии: одна из них без надписи (т. е. ДРД-440), а другая с надписью — «Кресту твоему поклоняемся Владыко и св. воскресение твое славим» [29, с. 34], что позволяет идентифицировать с ней еще один памятник из нынешнего собрания Русского музея (инв. № ДРД-438).

²¹ В. А. Прохоров был издателем иллюстрированного журнала «Христианские древности и археология», рецензированию которого и посвятил свою публикацию М. П. Погодин.

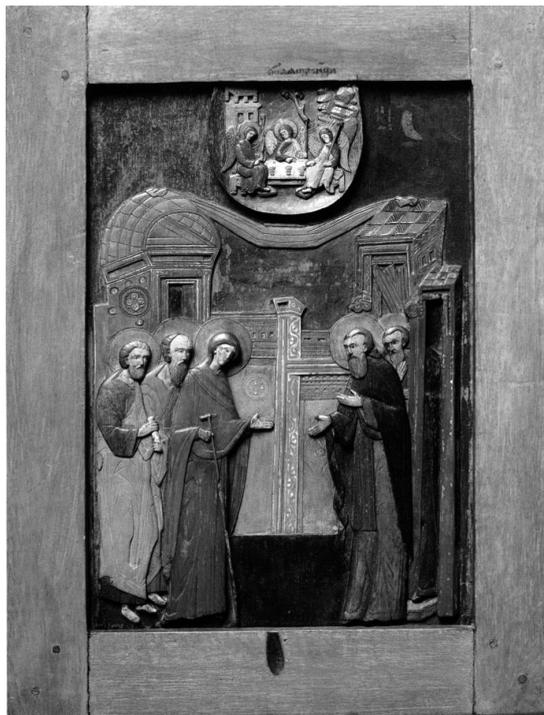

Рис. 10. Явление Богоматери Сергию. Резная икона. Первая половина XVI в. Москва, ГРМ.

в доме портного Круца, на Васильевском острове, в 7 линии, на Большом проспекте, близ ц[еркви] св. Андрея. Комнаты завалены предметами древности, знакомыми мне и любезными: образа, кресты, церковные вещи, рисунки, свитки, лоскутки пергаменные» [40, с. 3; 41, с. 123].

Источники формирования собрания В. А. Прохорова остались бы не известными, если бы не архивные документы, проливающие свет на обстоятельства его поездок в Новгородскую губернию по делам Музея христианских древностей Академии художеств [42]. Находясь по заданию Академии в одной из таких поездок, Прохоров был уличен в связях со старообрядцами, в результате чего был вынужден объясняться с академическим начальством [43–44]. Его путешествие в Старую Руссу в июне 1863 г.²² наделало немало шума, а контакты с руководителем старорусской беспоповщины крестьянином Петром Яковлевым [44, л. 9, 10 об. и др.] вызвали большие подозрения относительно его благонадежности.

Интересно отметить, что переписка петербургского генерал-губернатора с министром внутренних дел, производившаяся в 1863 г., дает нам второе свидетельство о собрании В. А. Прохорова. Оно описано почти в тех же выражениях, что и у М. П. По-

²² В донесении Особенной Канцелярии МВД к петербургскому военному генерал-губернатору содержатся интересные подробности, позволяющие говорить о тесных связях Прохорова со старообрядцами. Согласно донесению, 25 июня 1863 г. «старорусские раскольники» встречали Прохорова на пристани в числе 100 человек с тем, чтобы на тройке лошадей везти его в дер. Сельцо Порожского приказа, где выстроена у них новая моленная [44, л. 3].

година: «В квартире его на Васильевском Острове, по 7 линии, в доме Круца, обращает на себя внимание собрание принадлежащих ему разных старинных крестов, образов и книг, которые приобретены им на собственный счет в разных местах России во время поездок» [44, л. 18]. Постоянные контакты с жителями Новгородской губернии предопределили специфику собрания В. А. Прохорова, сформированного так же, как и академический музей, которым он заведовал, по преимуществу из памятников новгородской старины²³. Не возьмем на себя смелость обсуждать вопрос о том, куда поступали лучшие из отысканных в Новгороде древностей, в академическое ли собрание, или в личную коллекцию, и было ли для пользы дела целесообразным само совмещение функций хранителя академического музея и частного коллекционера, но в качественном отношении многие новгородские памятники из собрания Прохорова стоят гораздо выше академических. Среди лучших из них²⁴ могут быть названы, например, деревянные резные фигуры Богоматери и апостола Луки (рис. 11) [38, с. 30. № 663, 664] от «Золотых врат» Новгородского Софийского собора — точно датированного памятника 1560 г.²⁵ (несколько настораживает тот факт, что третий фрагмент врат — фигура св. Иоанна Предтечи (ГРМ, инв. № ДРД-372) — хранилась в академическом музее), резной складень-иконостас XVI в. (ГРМ, инв. № ДРД-166), однозначно новгородской типологии [38, с. 30, № 650; 48, с. 408, 409; 45, с. 62, илл. 4 на с. 61], наконец, «жемчужина» прохоровского собрания (рис. 12) — резная икона XVI в. «Чудо Георгия о змие с избранными святыми» (ГРМ, инв. № ДРД-175) [38, с. 30, № 656; 49, с. 206–207, илл. на с. 206; 45, с. 60, илл. 1 на с. 56].

Наряду с коллекцией В. А. Прохорова в первые годы существования Русского музея императора Александра III в него поступают собрания русских древностей художника-баталиста В. В. Верещагина (1900) и исследователя московской старины П. В. Синицына (1901), отдельные предметы от А. Макаренко (1907) и хранителя Пензенского Селиверстовского музея В. М. Терехина (1908). В составе каждого из этих собраний имелись произведения резьбы по дереву, иногда незаурядные по качеству исполнения²⁶. В 1913 и 1914 гг. музей приобретает собрания Н. П. Лихачева и Ф. М. Плюшкина. И если

Рис. 11. Святой апостол Лука. Фрагмент «Золотых врат» Новгородского Софийского собора. 1560 г. Новгород, ГРМ.

²³ Публикация отдельных предметов из коллекции В. А. Прохорова [45].

²⁴ Мы опускаем здесь превосходные новгородские иконы, определявшие лицо прохоровского собрания.

²⁵ ГРМ, инв. № ДРД-373, 371. Фигуры были впервые связаны с новгородскими вратами И. И. Плешановой благодаря презентации рисунков с врат, исполненных в 1833 г. Ф. Г. Солнцевым, на научной конференции в ГРМ в 2001 г. [46, с. 81, илл. на с. 83]. Однако и здесь, и в последующей публикации [45, с. 61, илл. 2 на с. 58] апостол неверно идентифицирован (в первом случае — с Петром, во втором — с Павлом). Ошибка исправлена в публикации: [47, с. 59–61, 64].

²⁶ Такovy потир и венец из собрания В. В. Верещагина (ГРМ, инв. № ДРД-390, ДРД-425).

Рис. 12. Святой Георгий. Резная икона. Начало XVI в. Новгород, ГРМ.

в первом из них произведения резьбы по дереву были скорее исключением²⁷, то во втором присутствовали в изобилии. В описи собрания Ф. М. Плюшкина, далеко не первоклассного по художественному уровню памятников, значились 109 предметов деревянной резьбы, в том числе скульптурные изображения святых, резные образки и кресты. Одним из лучших среди них являлась «тощая свеча», вложенная в 1667 г. в храм Святой Троицы Тимофеем Иосифовым сыном Челищевым (ГРМ, инв. № ДРД-445).

По состоянию на 1912 г. Русский музей обладал богатейшим собранием памятников древнерусской резьбы по дереву, исчислявшимся 441 единицей хранения. Поступления советского времени по сути свелись к перераспределению в пользу Русского музея экспонатов ликвидированных художественно-промышленных и церковно-археологических музеев Петрограда-Ленинграда. Кардинально изменить ситуацию не могли ни отдельные предметы из частных собраний²⁸, ни поступления деревянной утвари из монастырских и церковных ризниц²⁹. Состав фондов Русского музея был уже полностью укомплектован за счет дореволюционных коллекций.

К сожалению, отношение к памятникам прикладного искусства как к второстепенному по сравнению с иконами материалу привело к тому, что инвентарные книги

²⁷ Например, скульптурные изображения св. св. Николы и Параскевы (ГРМ, инв. № СМБ-63, ДРД-181).

²⁸ Так, в 1918 г. в составе собрания И. А. Шляпкина в Русский музей поступили два памятника резьбы по дереву — превосходная икона «Троица Ветхозаветная» из Сямского монастыря (ГРМ, инв. № ДРД-12) и небольшой крест (ДРД-325). Икона опубликована: [50, с. 123].

²⁹ В 1923 г. через Музейный фонд в Русский музей поступило небольшое (8 предметов) собрание деревянных потиров и тарелей из Соловецкого монастыря.

на них были заведены лишь в 1924 г. [51, с. 7; 52, с. 24]³⁰. К этому времени сведения о коллекциях и коллекционерах истерлись в памяти³¹. Для восстановления истории поступлений теперь требовались годы...

Источники и литература

1. Пивоварова Н. В. О судьбе древнерусского художественного наследия в конце XVIII — первой трети XIX в. К истории распродаж церковного имущества Кирилло-Белозерского монастыря // Кафедра. Сб. науч. ст. / сост. А. В. Квятковский, Е. К. Чернышева. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2012. С. 219–231.
2. Пивоварова Н. В. Опись 1802 г. как источник по истории ризницы Кирилло-Белозерского монастыря // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь (в печати).
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 10 (1878). Д. 142.
4. [Сахаров И. П.] Записка для обозрения русских древностей. СПб.: В типогр. Якова Трея, 1851. 80 с.
5. Пивоварова Н. В. О трех церковно-археологических открытиях в Новгородском Софийском соборе в середине XIX в. (по документам Святейшего Правительствующего Синода) // Новгородский исторический сборник. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Вып. 9 (19). С. 460–466.
6. Пивоварова Н. В. Новгородские древности в собрании Русского музея: основные этапы и источники формирования коллекции // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 1. Великий Новгород: Типогр. «Виконт», 2005. С. 42–67.
7. РГИА. Ф. 796. Оп. 19. Д. 362.
8. Пивоварова Н. В. Еще раз о Синодальной регламентации художественного процесса в России в первой четверти XVIII века // Вестн. Орловск. ун-та. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2012. № 1 (21). С. 274–277.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 60. Д. 350.
10. РГИА. Ф. 472. Оп. 19 (118/955). Д. 38.
11. РГИА. Ф. 789. Оп. 3 (1862). Д. 71.
12. Прохоров В. А. Каталог музея древнерусского искусства. СПб.: Академия художеств, 1879. [2]+69 с.
13. В. К. Царские врата из новгородского Софийского собора // Художественные сокровища России. 1901. Вып. 1. С. 61.
14. Плешанова И. И. Два памятника древнерусской резьбы по дереву в собрании Русского музея // Сообщения ГРМ. Вып. 10. М.: Искусство, 1974. С. 107–114.
15. Трифонова А. Н. Царские врата XVI века из Софийского собора в Новгороде (к вопросу об иконах в драгоценных окладах в русском искусстве) // Новгородский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. 125 лет Новгородскому музею. Материалы научной конференции. Новгород: Хвойнинская типогр., 1991. С. 112–121.
16. Трифонова А. Н. Царские врата XV–XVI веков иконостасов Софийского собора // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Вып. 4. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2011. С. 183–193.
17. Краткая записка о посещении Великого Новгорода членами Общества древнерусского искусства // Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М.: В Университетской типогр., 1866. С. 119–121.
18. Памятники художественной археологии на академической выставке 1885 г. // Вестник археологии и истории. 1885. Вып. 4. С. 68–70.
19. Федосеева М. В. Памятники древнерусского прикладного искусства, вывезенные академиком В. В. Суловым из Архангельской губернии // СПб Фонд культуры. Программа «Храм». Сб. материалов (ноябрь 1993 — июнь 1994). 1994. Вып. 6. С. 98–108.
20. РГИА. Ф. 797. Оп. 58 (I отд., 1 ст.). Д. 98.
21. РГИА. Ф. 789. Оп. 6 (1868). Д. 208.
22. РГИА. Ф. 789. Оп. 5 (1866). Д. 211.
23. РГИА. Ф. 789. Оп. 7 (1870). Д. 30.

³⁰ Справка Н. В. Малицкого от 26.08.1929 г. о состоянии художественного имущества ОДРИ ХО ГРМ, автограф [53, л. 9–9 об.].

³¹ Ранее существовали временные описи, в которых первые поступления музея были рассортированы по материалам. Отсутствие документации на памятники, перевезенные из Академии художеств в 1897 г., и постоянный приток новых предметов и коллекций привели к постепенному забвению источников поступления и одних, и других в музей.

24. РГИА. Ф. 789. Оп. 10 (1877). Д. 11.
25. РГИА. Ф. 789. Оп. 10 (1879). Д. 226.
26. РГИА. Ф. 789. Оп. 11 (1883). Д. 26.
27. Каталог Музея Императорского Общества Поощрения Художеств. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904. С. 1–102 (Русский отдел).
28. Побеждая время... Реставрация в Русском музее. Каталог выставки. СПб.: Palace Edition, 1998. 272 с.
29. *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей С.-Петербургской Духовной Академии. 1879–1909. СПб.: Синодальная типогр., 1909. XXIX+151 с.+XXXXIV табл.+63 табл.
30. *Пивоварова Н. В., Клюканова О. В.* Новгородские брачные венцы из собрания Русского музея. Вопросы типологии и атрибуции // София. Издание Новгородской епархии. 2010. № 4. С. 14–17.
31. *Покровский Н.* Брачные венцы и царские короны // Христианское чтение. 1882. Ч. II. Июль–август. С. 127–160.
32. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1882/3 учебный год. СПб.: Изд. журн. «Христианское чтение», 1884.
33. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской Духовной Академии за 1885/6 учебный год. СПб.: Изд. журн. «Христианское чтение», 1888.
34. Обозрение Отделения христианских древностей в музее Императора Александра III. (Краткое описание зал XVIII–XXI). СПб.: В. С. Балашев и К^о, 1898. 85 с.
35. Обозрение Отделения христианских древностей в Музее Императора Александра III. (Краткое описание зал XVIII–XXI, с приложением одной фототипической таблицы). СПб., 1902. СПб.: В. С. Балашев и К^о, 1902. 147 с.
36. РГИА. Ф. 789. Оп. 11 (1888). Д. 25.
37. *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М.: В Синодальной типогр., 1888. 242+XVIII с.
38. Опись русских древностей, составлявших собрание В. А. Прохорова. СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1896. 38 с.
39. Ведомственный архив ГРМ (ВА ГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 1. Д. 86.
40. *Погодин М.* Несколько дней в Петербурге. Г. Прохоров и его издание // Московские ведомости. 1863. 2 авг., № 168. С. 3.
41. *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
42. *Пивоварова Н. В.* Старообрядческие моленные и скиты Новгородской губернии в середине XIX века по материалам Российского государственного исторического архива // Новгородский исторический сборник. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. Т. 12 (22). С. 233–247.
43. РГИА. Ф. 1284. Оп. 218 (1863). Д. 66.
44. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2086.
45. *Петренко Т. А.* Произведения древнерусского прикладного искусства из коллекции В. А. Прохорова в Русском музее // Коллекции и коллекционеры. Сб. статей по материалам научной конференции. (Русский музей. Санкт-Петербург, 2008). Вып. XVI (=Альманах. Вып. 253). СПб.: Palace Edition, 2009. С. 57–68.
46. *Плешанова И. И.* Новгородские резчики XVI столетия // Государственный Русский музей. Страницы истории отечественного искусства XII — первая половина XIX века. СПб.: Palace Edition, 2002. Вып. VIII. С. 77–84.
47. *Трифонова А. Н.* Золотые двери 1560 г. Новгородской Софии в графике Ф. Г. Солнцева // Новгородский архивный вестник. 2010. Вып. 9. С. 58–66.
48. *Плешанова И. И.* Складни-иконостасы в собрании Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия (ПКНО). Ежегодник 2001. М.: Наука, 2002. С. 403–409.
49. *Плешанова И. И.* Резные иконы Государственного Русского музея // ПКНО. Ежегодник 1976. М.: Наука, 1977. С. 204–214.
50. Русские монастыри: искусство и традиции. СПб.: Palace Edition, 1997. 240 с.
51. Отчет Государственного Русского музея за 1923 и 1924 гг. Л.: ГРМ, 1925. 115 с. с ил.
52. Отчет Государственного Русского музея за 1925 г. Л.: ГРМ, 1926. 91 с.
53. ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 410.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2012 г.